

**Резник О.В.
БЫЛО МНОЖЕСТВО НЕВЕРОЯТНОГО В ИСКУССТВЕННОМ СОЕДИНЕНИИ
РАЗНЫХ ЛЮДЕЙ, СТРЕЛЯВШИХ ИЗ ПУШЕК И ПУЛЕМЕТОВ...
(Украина и Крым в творчестве Гайто Газданова)**

В своей работе «Украина и Россия – Гоголь и Пушкин» доктор филологических наук В.П.Казарин отмечает, что украинский мир «... веками формировался как поле ожесточенных столкновений и самой кровавой, самой лютой борьбы не за благополучие, а за само существование как таковое» [1, 3] Отсюда проистекает фанатичная неистовость в самореализации в эпохи побед и созидания. Именно эту стихию, переходящую всякие границы, отмечают авторы многих воспоминаний, упоминающие в своих произведениях украинские реалии. По мнению В.П.Казарины, украинцы в своей крови несли «неутоленную жажду победы и торжества не просто над врагами, но над собственной судьбой! [1,3]» Вот почему из всего многообразие авторов необходимо выделить тех немногих, для кого Украина – не просто место действия разворачивающихся событий, а активная (и во многом страдающая!) участница. Ведь стремление к новому часто оборачивается бунтом против старого, желание победы любой ценой – жестокостью и отчаянной храбростью. Причем ярче всего эти особенности национального характера проявляются в эпохи разрушения и слома, одной из которых, несомненно, можно считать эпоху гражданской войны. Именно эта всеобщая, братоубийственная война, прокатившаяся от Москвы и Петербурга через всю империю, выявляла в человеке то всеобщее и индивидуальное, что позволяло одним только укрепиться в своей правоте, а другим испуганно смириться со своей незавидной судьбой.

Характерологической приметой истории гражданской войны (а вместе с ней – и новой русской литературы) становится стирание внешних различий, слияние в едином потоке народной ненависти и человеческого страха. Поэтому многие писатели интуитивно угадывали специфику Украины, ее деревень, городов, окраин, ее обычаев. Возможно, в силу идеологических причин, на протяжении ряда лет историческая ситуация на Украине эпохи гражданской войны чаще всего описывалась в русской литературе как сопротивление «новой власти» со стороны нескольких группировок организованных или плохо организованных повстанцев. Художники редко употребляют слова, определяющие героев или «бандитов» по этнической принадлежности, используя романтический метод, тем самым значительно обедняли психологическую сторону конфликта. Эмигрантское творчество (в частности первой волны) с большей степенью достоверности отразило и дисгармоничное состояние действительности, и драму личности, жаждущей обновления мира. Они замечают, как втягивается Украина – Южная Россия - с ее жаждой самореализации в кровавое «построение нового мира», каким ужасом и бедами – голодом, разрухой, нищетой, интервенцией – все это обернется. Непосредственная причастность к этой исторической ситуации, изображение ее изнутри делает воспоминание писателей-эмигрантов особенно ценными и в художественном, и в историческом, и в психологическом плане. Вместе с тем, при всей значимости и серьезности наблюдений, сделанных различными авторами, каждое конкретное обращение к данной теме требует серьезного и пристального изучения.

Показательный и одновременно спорный аспект изображения Украины – люди и страна, втянутые в великое противостояние – выбирает известный писатель-эмигрант Гайто (Георгий) Газданов (1903- 1971) в своем самом известном романе «Вечер у Клэр». Отец Газданова работал лесником в Украине, однако он умер в 1911 году, когда мальчику было восемь лет. Проведя год в кадетском корпусе и не закончив учебу в гимназии, Газданов летом 1919 года в пятнадцать с половиной лет уехал на Кавказ воевать. Именно этот эпизод – служба на «белом» бронепоезде, эмиграция в ноябре 1920 года вместе с армией Врангеля из Севастополя в Константинополь – нашли отражение в упомянутом произведении, что позволяет рассматривать страницы романа как автобиографические, дневниковые, тем более герой Николай Соседов даже обозначен исследователем В.В.Агеносовым как «автор-герой» [2, 309]. Георгий Адамович, одним из первых обративший внимание на Г.Газданова в русской эмигрантской критике, писал: «Главное у него не люди, а то, что их связывает, то, чем заполнена пустота между отдельными фигурами – бытие, стихия, жизнь, не знаю, как это назвать» [3, 564] Нам думается, что это можно обозначить как «среда обитания», философия жизни и истории.

Все вышеуказанное дает возможность поставить страницы романа «Вечер у Клэр», посвященные данному историческому отрезку, в один ряд с такими произведениями о гражданской войне, как «Окаянные дни» И.Бунина, «Воспоминания» Н.Тэффи, «Солнце мертвых» И.Шмелева и другие. Тем более, что к теме гражданской войны писатель обращался неоднократно – и в «Повести о трех неудачах», «Общество восьмерки пик», «Товарищ Брак», «Призрак Александра Вольфа».

В произведении Гайто Газданова «Вечер у Клэр» (1929), метафора путешествия, столь характерная для эмигрантов, приобретает особый смысл. Как отмечает кандидат филологических наук Е.В.Лисюченко, «понятию судьбы как жизни соответствует понятие пути, ведущего к пункту назначения» [4, 26]. Поэтому весь роман представляет собой путь героя к любимой, живущей в далекой стране и манящей сокровенной тайной и надеждами. Освещается детство, юность, зрелость Соседова, его воспитание и обучение, однако в том фрагменте текста, где речь идет о военной службе главного героя, меняется не только интонация (меньше лирических отступлений, игры воображения), но и сам символ пути: так же, как и у Пастернака (в «Докторе Живаго»), Кафки («Железнодорожные пассажиры») и других, концепт жизненного пути ассоциируется с железной дорогой. Как утверждает Е.В. Лисюченко, «возникающий многократно на протяжении романа образ дороги как судьбоносного пути делает возможным трактовку явлений, встреч, событий как не случайных, а ожидаемых (эффект ожидания)» [4, 27]. Этот прием усиливается у Газданова тем обстоятельством, что все изложенное представляет собой *воспоминания*, т.е. уже *несомненно было*, а не придумано. Путешествие можно рассматривать как метафору любого жизненного движения и внутренне-

го движения к своим собственным глубинам.

В романе, написанном от лица молодого добровольца, звучит и украинская речь, и упоминаются названия украинских и крымских городов и сел, а место действия обозначено как «поля Южной России» [5, 44] «Вечер у Клэр» представляет особый интерес в рамках нашего исследования, т.к. дает совершенно новый тип повествователя. Доброволец – бывший штатский, по своей воле выбравший военную стезю, но так до конца и не ставший военным. Во-вторых, в отличие от упоминавшихся нами авторов, герой сам избирает путь войны, однако, как и они, отечество покидает не по своей воле. В роли судьбы выступает приказ командования. Однако именно в момент отречения от родины звучит «мы», отдающееся эхом: «Мы видели, что мы уедем; но мы понимали это только как непосредственную перспективу, а наше воображение не уходило дальше представления о море и корабле» [5,47]. В то же время на корабле, покинувшем родину навсегда, вновь обозначается нарратив от первого лица: пограничные ситуации сближают людей, а одиночество – разъединяет. Поэтому этот роман сложно обозначить как автобиографический или мемуарный, хотя повествование отличается максимальной исповедальностью и даже дневниковостью. Так, автор подробно датирует события («июнь», «семнадцатое-девятнадцатое октября» и т.д., а день отъезда отмечает как «в двадцатых числах того же месяца» [5,46]), говорит обо всем, что видел, в прошедшем времени. В то же время он оказывается близок роману-путешествию, где герой, движимый фатальной силой, пытается обрести смысл жизни. Как известно, мужская философия направлена на «размышление о судьбе» как о разностороннем жизненном явлении. Вот почему одна и та же ситуация, изображенная писателем, может рассматриваться и как реальное событие, и как символ.

В связи с таким изображением действительности, применительно к роману «Вечер у Клэр» необходимо ввести понятие «массо-индивидуальность». Т.е. говоря о типичности той или иной судьбы, он старается привести множество примеров, ряд фамилий, которые подтверждают, «придают вес» его наблюдениям. По замечанию психологов, такой прием «нагромождения доказательств» характерен для юношеской пубертатного периода. С одной стороны, это можно объяснить фактическим возрастом рассказчика – 16 лет. С другой – сама страна, история находилась в «переходном периоде», когда смещались жизненные ценности, выходило наружу и лучшее, и подлейшее, достаточно четко можно было определить «своих» и «чужих». Отсюда и постоянное желание быть максимально беспристрастным в нечеловеческих условиях войны. Это, несомненно, оригинальный и очень уместный авторский прием: мир и человек как бы находятся на одной ступени развития, пытаюсь понять друг друга.

Что особенно важно, Газданов исследует психологию личности через призму психологии нации. Свежий, незамутненный никакими идеологическими предубеждениями юношеский взгляд рассказчика помогает выделить то общее и частное, что ярче всего проявляется в менталитете страны в критических исторических условиях. Например, характеризуя простых солдат, Газданов маркирует их по национальности («Этот Иван, умный хохол, спокойный и храбрый солдат...» [5,41]) или вводит какую-либо деталь, связывающую героев с Украиной. И это не экзотика, а с точки зрения автора, нечто крепкое, исконное, здоровое. Так, один из самых храбрых солдат – Филиппенко – во время боя пел тихие украинские песни, не испытывая ни нервного возбуждения, ни страха. Война настолько несвойственна его жизненному укладу, что он даже в военное время живет мирными категориями, жизненными ценностями. Например, ему не страшно на войне, зато «боязно ночью на кладбище, вот-то боязно. А днем не боязно» [5,41]. За этим высказыванием – многовековой патриархальный уклад, народные традиции, доказывающие абсурдность войны.

Живая речь – еще одна важная характеристика персонажа для Газданова. Так, слом мировоззрения иллюстрирует неискреннее и неуместное обращение к собеседникам отъявленного негодяя Воробьева: «милый друг», «дети». Талантливый во всем Иван – прекрасный рассказчик: «Кони ходят и очень удивляются, что они еще не подошли» [5, 42], а отчаянный храбрец Данько разговаривает короткими, неполными синтаксическими конструкциями: «А, ни, - сказал он» [5,41]. Примечательно, что Газданов стремится сохранить украинские слова (ни, зараз, питать, нема и др.) как неповторимый колорит времени и духа народа.

Символом эпохи воспринимается и колоритный персонаж Данил Живин по прозвищу Данько. Он вообрал в себя все противоречивые искания своего времени - служил у красных и у белых, у Махно и гетмана Скоропадского, у Петлюры и «даже в отряде сэра Саблина» [5, 41]. Однако Газданова интересуют не политические убеждения героя, а его человеческие черты, типичные для простого солдата: «он был веселый, бесконечно добрый и бесконечно отчаянный человек» [5, 41]. Он совершенно не мыслится убивающим – а между тем это было неоднократно. Война воспринимается Данько как одно большое приключение. Отсюда – живая заинтересованность, интерес ко всему происходящему. Так, на вопрос рассказчика, а поехал бы Данько на Северный полюс, тот первым делом спрашивает: «А там интересно?» [5, 41] Любопытство, жадное внимание ко всему новому отличает и Ивана – умного и наблюдательного рассказчика, которого на войне(!) очень интересует формула длины окружности и природа Млечного Пути.

Кажется, что Газданов использует символику: в том замкнутом круге гражданской войны, в котором оказались эти люди и который невозможно описать никакими формулами, остается думать только о вечности, о звездах. Потому что если вглядываться в мир реальный, мечтательная (Н.Костомаров) украинская душа просто не выдержит. Газданов отмечает, что самые простые солдаты, т.е. те, чей привычный ход мыслей и жизни был нарушен, «...эти люди сильнее, чем все другие, страдали от неправильности и неестественности происходящего и скорее, чем другие, погибали. Так погиб, например, бронепоездной парикмахер Костюченко, молодой солдат, пьяница и мечтатель. Он кричал по ночам, ему все снились пожары, и лошади, и паровозы на зубчатых колесах» [5,44]. Страх и сумасшествие оказываются для рассказчика разными сторонами одного явления.

Война изменяет психику не только солдат, мужчин, но и женщин. Они встречаются у Газданова постоянно, причем если мужчины наделяются именами и фамилиями, то женщины чаще выступают как мас-

са, наделенная типичными чертами: служанки, подметальщицы бронепоезда, «офицерские Мессалины, давно оставшиеся без мужей...» [5,44], одесские артистки с аристократическими псевдонимами. Женщина выступает и как часть интерьера в пыльном Севастополе: «...нарисованных голых красавиц с широкими крупами, лошадиными глазами...» [5,45] Этот прием как нельзя лучше показывает не только глупость пошлость окружающего героя мира, но и лицо времени, которое стерло индивидуальные различия, загрязнило отношения между мужчиной и женщиной.

В этом плане особенно симптоматично звучит следующее замечание рассказчика: «До войны и бронепоезда я никогда не видел таких женщин. Они говорили с военными словечками и выражениями и держались развязно, особенно после того, как утоляли голод(...) Знания их были изумительно скудны; страшная душевная нищета и смутная мысль о том, что жизнь их должна была бы идти иначе, делали их неуравновешенными...»[5,44] Типизация явления доходит до того, что читатель невольно начинает задумываться: а не аллегория ли это всей страны? А не чеховская ли это Душечка, пытающаяся выжить в жестоким и непонятном ей мире?

Так, весьма показательным является эпизод, когда на горячку пишут донос и отправляют с двухлетней дочкой по этапу зимой. Но герой-рассказчик, видящий смысл своей жизни именно в слиянии с любимой, не может не сказать и о другой женщине – Елизавете Михайловне. Она понимает боль другого, способна сделать мужчину счастливым даже в самые страшные времена. Правда, вызывает некоторую растерянность тот факт, что сам рассказчик обозначает ее как «неведомая спутница моих снов» [5, 45], что придает этому образу какую-то ирреальность(как и Клэр). Возможно, это яркое исключение – лишь следствие той особенности, о которой говорит Николай: «Болезнь, создававшая мне неправдоподобное пребывание между действительным и мнимым, заключалась в неумении моем ощущать отличие усилий моего воображения от подлинных, непосредственных чувств, вызванных случившимися со мной событиями»[6, 15] Поэтому утверждать, что такая женщина существовала в действительности, несколько наивно, однако одно несомненно: для раскрытия темы гражданской войны в романе «Вечер у Клэр» женские образы(даже эпизодические) играют немаловажную роль. Как и в других романах Газданова, они трагичны и фатальны.

Пытаясь понять всю сложность жизни, всю философию истории, автор «Вечера у Клэр» использует еще один любопытный прием – «ретардация с опережением»: «Я привык жить в прошедшей действительности, восстановленной моим воображением». [6,15] Герой постоянно «забегает вперед» в своем рассказе с единственной целью – оглянуться назад. Читатель с самого начала ознакомлен с ситуацией и это позволяет рассказчику обращаться к нему как к собеседнику, как к равному, свободно переходить от одной темы к другой. При чтении этого романа невольно вспоминаются слова Блаженного Августина: «Некие три времени существуют в нашей душе, и нигде в другом месте я их не вижу: настоящее прошедшего – это память; настоящее настоящего – это непосредственное созерцание; настоящее будущего – его ожидание»[8,199] То же самое происходит и с топонимикой повествования. Стремясь выдерживать заданный им самим ритм, герой связывает определенное время или событие с определенной местностью, городом, селом. Так как действие часто происходит на бронепоезде, то и в повествовании мелькают названия станций, вокзалы, буфеты. Отдельного упоминания заслуживает Севастополь. «Массовый исход беженцев из России в Европу начался уже в январе-марте 1919 года с уходом немцев с Украины и французов из Одессы и достиг подъема в 1920 году, когда войска Деникина и Врангеля покинули Новороссийск и Крым», [2,4] – отмечает в своей книге «Литература русского зарубежья» В.Агеносов. Скупые строчки исторической справки не в состоянии передать весь трагизм последних дней на родной земле. Стремление автора романа показать прежде всего психологию «тех, кто проиграл», заставляет читателя быть внимательным к каждой мелочи, каждой значимой детали. Поэтому автору интересно не только конкретный город, покрытый белой каменной пылью, окрашенный зеленой Приморского бульвара и ярким песком аллеи, а и некий символ исхода, конца: «Вся грусть провинциальной России, вся вечная ее меланхолия наполняла Севастополь»[5,45]. Сведя до нескольких строк пейзажную зарисовку, Газданов стремится дать психологический портрет людей, которые понимают необходимость отъезда навсегда, поэтому на «севастопольских» страницах постоянно чередуются «мы» и «я». Чувствительность и неопределенность положения рассказчика проецируются на общее мироощущение.

Морские волны не просто плещут – они «бьются о плиты пристаней и, отходя, обнажают зеленые камни...» [5, 45] – разве это не символ безысходности, отчаяния людей, отступающих с родных мест, оставляющих после себя лишь разбитые и разграбленные города и села. Поэтому рассказчику кажется, что морская трава «бессильно полощется в воде», как и он сам не в силах что-либо изменить. Мир изменился настолько, что дальние страны теперь представляются родиной, а «...то, что мы считали родными сухой зной Южной России, безводные поля и соленые азиатские озера, было только заблуждением» [5,45]. Но почему тогда с такой тоской он всматривается в вечный пейзаж моря, мачт и белых чаек?

Газданов замечает в побежденных, переживающих чувство прощания с родиной людях острую жажду культуры. С точки зрения автора «Вечера у Клэр», завсегдагаи кафе и театров именно здесь, на краю родной земли, поняли, что у них было счастье, что у них было прошлое. Так, писателю удается создать ощущение ностальгии, которую люди испытывали, еще не покинув родины, но уже утратив ее. Куда бы не направлялся рассказчик, везде он встречал тоску и отчаяние: в море *навсегда* скрываются за горизонтом английские и французские корабли, в «восточных подвалах» - «пьяные слезы офицеров, поглощавших отчаянные алкогольные смеси и распевавших неверными голосами «Боже царя храни»...[5,45]»

Интересны и упоминания о выступлениях одесских артисток с аристократическими именами. Они пели романсы. Думается, не случайно память автора избирает именно этот вокальный жанр. Песни – русские, украинские, казачьи – стали частью души русского эмигранта. Тем более романс – необыкновенно лиричный и широкий, свободный, как славянская душа. Описывая реакцию слушателей, Газданов вдруг

находит в революции несомненный позитив: «Я видел слезы на глазах обычно нечувствительных людей; революция, лишив их дома, семьи и обедов, вдруг дала им возможность глубокого сожаления и на миг освобождала от грубой, военной оболочки их давно забытую, давно утерянную душевную чувствительность» [5,45] Как здесь не вспомнить разговор других писателей-эмигрантов – Тэффи и Алданова, которые считали, что разлука с родиной дала возможность сильнее полюбить жизнь; лирические отступления о Боге, очищающем души страданием, в эпопее «Солнце мертвых» И.С.Шмелева и многие другие страницы русской прозы, восходящие к Достоевскому. Сам Газданов не случайно уточняет, что о таком счастье(потерянном счастье) эти люди раньше читали только в книжках. Поэтому писатель вводит в изображение повседневной жизни сравнения из Книги книг – Библии: «И Черное море представлялось мне как громадный бассейн вавилонских рек, и глиняные горы Севастополя – как древняя стена плача» [5,45].

А о чем всегда плачет душа изгнанника? О неминуемой разлуке с Родиной. Вот почему душная атмосфера города, непонятно откуда взявшийся ветер – не только реалии, а знаки судьбы. В этом вихре событий все смешивается в одну пеструю картину, «бытийные» образы уступают место бытовым хлопотам: заграничные паспорта, сбор багажа. Газданов намеренно употребляет безличную форму глаголов: «говорили», «уже начинали укладывать вещи», тем самым подчеркивая обреченность, неминуемость отъезда. Даже отложенный на потом, он все равно предчувствуется рассказчиком. Поражение армии, которое было предсказано в самом начале боевого пути героя, накладывает трагический отпечаток на последние дни пребывания рассказчика на родной земле.

Изменяется ход событий – и изменяется Севастополь. Теперь это не просто грустный город, это город опасный(рассказчик чуть не утонул в море, переплывая в бурю через бухту), ставший другим, потому что армия разбита и приближается конец. Замерзающие дороги, враждебные российские пространства, север, занятый красными, противопоставлены выжженным полям и желтым рощам юга. Убитые товарищи, абсурд движения войск, плачущая крестьянка, интуитивно чувствовавшая, что летящий снаряд угрожает именно ей – все это смешивается, окрашивается в тона крови и огня, и рассказчику кажется, что это невидимый дирижер вонзает свою палочку то в левое, то в правое крыло оркестра. Блуждание между бесчисленными вагонами, товарными составами и обозами, гремящим по мерзлой дороге – все это уносится сильным ветром(стоит вспомнить «говорящее» название бронепоезда – «Дым»), оставляя слабые воспоминания. Рассказчик как бы стремится сохранить самое главное. Ярким примером такого восприятия реального города спустя годы можно считать характеристику Джанкоя, особо значимого тем, что он находился *по эту сторону укреплений*, уже в Крыму. И если его взяли – значит действительно конец. Подбор реалий кажется во многом случайным, но каждая из них вызывает определенные ассоциации. Неслучайно большую роль здесь играют женщины – жизнь и смерть всегда идут рядом: «Джанкой: керосиновые фонари на перроне, женщины, приходившие в наш вагон, бифштексы из вокзального буфета, записки Цезаря, Лавинов, мои сны – и во сне Елизавета Михайловна» [5, 46]. Газданов ничего не комментирует, перенося читателя как можно быстрее в полуразрушенную Феодосию. Чтобы подчеркнуть абсурд происходящего, автор рассказывает о последнем ночлеге на родине в пустом магазине, голые полки которого служили постелью. Разговоры всю ночь, эхом отдающиеся в пустоте, пожар города как бы отделяют прошлое и будущее непреодолимой стеной невозвратимости. Неполные синтаксические конструкции как бы подчеркивают всю трагедию исхода, невозможность что-либо изменить – между страной снегов и зеленых равнин(север и юг?) и рассказчиком возникает стена из воды и огня, а летать человек не умеет. Зато летит его душа, его память, связующая нить между отчаянием и надеждой, прошлым и будущим.

Источники и литература

1. Казарин В.П. Украина и Россия – Гоголь и Пушкин//У Лукоморья. – 2004. - № 2. – С. 3-6.
2. Агеносов В.В. Литература русского зарубежья(1918-1996).- М.: Терра. Спорт, 1998. – 543 с.
3. Абрамовских Е. В. Русские романы. Справочник. – Челябинск, Урал LTD, 1999. – 672 с.
4. Лисюченко Е.В. Гендерный аспект анализа художественных текстов//Русский язык и литература в учебных заведениях. – 2002. - № 3. – С. 25-27.
5. Газданов Г. Вечер у Клэр//Юность. – 1990. - № 10. – С.36-47.
6. С того берега: Писатели русского зарубежья о России. Произведения 20-30 гг. Книга вторая/ Сост. И.А.Курамжина. – М.: Водолей, 1992. – 427 с.
7. Энциклопедия для детей. Т.15. Всемирная литература. Ч. 1./ Глав.редактор М.Д. Аксенова. – М.: Аванта+, 2002. – 672 с.
8. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Гос. Издательство национальных словарей, 1963. – 900 с.